

DOI 10.35775/PSI.2025.67.2.015

УДК 32.327

Р.В. ПЕНЬКОВЦЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений Казанского Федерального (Приволжского) Университета, Россия, г. Казань
E-mail: Roman.Penkovtsev@kpfu.ru

А.Д. ЕРМИЛОВ

аспирант кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии института международных отношений Казанского Федерального (Приволжского) Университета, Россия, г. Казань
E-mail: gridinpetrok@ya.ru
ORCID: 0009-0000-0659-7715

«НЕКЛАССИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ» В ЭПОХУ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В XXI ВЕКЕ

В статье рассматриваются современные вызовы и угрозы глобальной и национальной безопасности в условиях геополитической конкуренции через призму возникновения феномена «неклассической войны». Автор анализирует эволюцию военных стратегий, отмечая, что традиционные вооруженные силы, оснащенные кинетическим и ядерным оружием, играют скорее сдерживающую роль в современном мире. Вместо этого все большее значение приобретают невоенные факторы силы, такие как экономические, политические и информационно-психологические инструменты воздействия. Особое внимание уделяется концепции «неклассической» войны, которая позволяет достигать стратегических целей без прямого использования военной силы. Автор подчеркивает, что такие методы, как информационно-психологическая и когнитивная война, становятся ключевыми инструментами в современной геополитике. В статье также проанализированы экономические и технологические ограничения, которые делают классическую военную интервенцию менее привлекательной. Отмечается, что развитие информационно-коммуникационных технологий открывает новые возможности для неинтервенциональной агрессии, что требует пересмотра традиционных подходов к обеспечению безопасности.

Ключевые слова: неклассические войны, информационно-психологическая война, гибридная война, неинтервенциональная агрессия.

В условиях современной геополитической конкуренции различными игроками на мировой арене разрабатываются, испытываются на практике и совершенствуются новейшие концепции, технологии, средства и методы реализации своих интересов в межгосударственном противостоянии. Возникают все новые вызовы и угрозы как глобальной безопасности, так и безопасности отдельно взятого государства. Бессильно перед этими технологиями и международное право. Вооруженные силы, оснащенные передовыми средствами поражения противника, по-прежнему являются краеугольным камнем гарантий безопасности страны, но сегодня все больше специалистов сходятся во мнении, что этого более недостаточно, если говорить о всеобъемлющем обеспечении безопасности любого современного государства. По мнению начальника Генерального штаба ВС РФ генерала армии Валерия Герасимова: «Применение непрямых асимметричных действий и способов ведения «гибридных» войн позволяет лишить противоборствующую сторону фактического суверенитета без захвата территории государства военной силой» [8. С. 20].

В отношении классических вооруженных сил, основой которых является кинетическое вооружение и стратегических ядерных сил уместнее теперь говорить об их скорее сдерживающей роли. Наличие у государства современной армии оснащенной по последнему слову техники и ядерного оружия является своего рода гарантией от использования такой же симметричной силы. Однако сегодня ряд государств, особенно тех, что пытаются сохранить статус-кво, что позволит им удержать за собой роль гегемона в мире, активно разрабатывают и реализуют на практике различные средства неинтервенциональной агрессии с опорой на свои невоенные факторы силы. К такого рода факторам, согласно определению Шейдиной И.Л., относятся экономические, политические, идеологические (морально-психологические) компоненты воздействия государства на окружающий мир, которые могут быть использованы через каналы дипломатии, экономические связи, пропаганду, непосредственные контакты между людьми на разных уровнях для отстаивания и продвижения на мировой арене своих интересов [29]. Такие средства влияния, не связанные с прямым использованием вооруженных сил, можно рассматривать в качестве невоенных факторов силы. При этом, однако, следует учитывать, что вычленение в силовом подходе военных и невоенных аспектов до некоторой степени условно, поскольку в реальных международных отношениях грани между военными и невоенными инструментами силового воздействия весьма подвижны. Почти ни один тип внешнеполитического воздействия не осуществляется, так сказать, «в чистом виде». Именно совокупное применение большинства этих инструментов имеет своим результатом разнообразное влияние на другую сторону или стороны.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 11; 12; 13; 18; 24; 25; 26; 27; 28].

Однако проблему применения технологий неклассической войны нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств

изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Таким образом речь идет о своего рода технологиях неклассической войны. Согласно определению Манойло А.В. Неклассическая война (или неинтервенционная война) представляет собой реализацию насильственного контроля, не подразумевающего использование прямой военной силы, но достигающего результатов, сопоставимых с результатами прямой военной интервенции [17]. Такими технологиями являются и две, похожие на первый взгляд, концепции: информационно-психологическая и когнитивная войны. Становлению этих двух новых форм международной агрессии предшествовало возникновение в истории международных отношений ряда факторов, сдерживающих классическую военную интервенцию.

Вторая мировая война без сомнений способствовала огромному техническому скачку в развитии самых разнообразных видов кинетического вооружения. Однако, что менее очевидно на первый взгляд, она внесла и существенные изменения в архитектуру самой войны как таковой. В рамках оформившегося биполярного миропорядка не было более места для классической полномасштабной войны, которую две сверхдержавы могли бы использовать в качестве системного регулятора как это было прежде в предшествующих мировых порядках. Традиционное понимание войны выражено классической формулой К. фон Клаузевица: «Продолжение политики иными средствами»; «акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнять нашу волю»; «Место встречи жизни со смертью» [14]. Данная формула не подходила для выяснения отношений между СССР и США в эпоху Холодной войны. По крайней мере в своем буквальном прочтении.

После окончания Второй мировой войны конфликтная составляющая международных отношений претерпела весьма существенные изменения. Сформировавшаяся по итогам мирных конференций в Ялте и Потсдаме система международных отношений характеризуется плотной средой, т.е. активным развитием многосторонних дипломатических контактов, развитием международного права и в частности гуманитарной его составляющей. Новым важнейшим фактором является и возникновение концепции взаимного гарантированного уничтожения и сложившегося благодаря нему баланса сил, основанного на ядерном паритете. По справедливому замечанию английского военного теоретика Лиддел Гарта ядерное и водородное оружие, даже на стадии экспериментальных взрывов, ясно дало понять мировому сообществу, что тотальная война как метод достижения геополитических интересов является устаревшей концепцией. В след за Лиддел Гартом такого мнения придерживались и некоторые высокопоставленные военные. Например, маршал английских ВВС Джон Слессор в 1954 году высказал мнение, что «тотальная война, какой мы ее знали за последние сорок лет, стала понятием прошлого... Мировая война в наши дни и в наш век будет, насколько мы это себе представляем, всеобщим самоубийством и концом цивилизации» [16].

В качестве ограничителя для ведения классической масштабной войны также можно выделить экономические издержки, обусловленные нецелесообразностью использования дорогостоящих типов вооружений и боеприпасов [17]. Как правило, на сегодняшний день экономические затраты на вооружения и содержание армии в целом намного дороже, чем те цели, при помощи которых они уничтожаются. Например, стоимость одной из закупленных ВМС США крылатой ракеты «Tomahawk» составляла 1,3 млн. долл. в 2017 году. В общей сложности было затрачено 260 млн. долл. на 196 единиц данного вооружения [23. С. 7]. Следовательно, стоимость одного залпа из 59 «Томагавков» в Сирии в апреле 2018 года составила 77 млн. долл. Кроме того, если верить данным Министерства обороны США на 30 июня 2017 года, то на различные операции против «Исламского государства» (террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации), с 8 августа 2014 года, было затрачено 14 млрд. долл. При длительности в 1058 дней среднесуточная стоимость подобных операций составила 13 млн. долл. [21]. Другой пример – применение командованием США тяжелого боеприпаса фугасного действия – авиабомбы GBU-43/B MOAB в Афганистане против «ИГ», которая, по оценкам экспертов, является одним из наиболее мощных в мире типов неядерного вооружения. По данным западных аналитиков, стоимость такого боеприпаса оценивается в 16 млн. долл. [22. С. 17]. Стоит отметить, что эффективность использования боеприпасов подобного типа весьма сомнительна, так как использовались они против иррегулярных групп и формирований, которые в свою очередь не могут оказать ассиметричных ответных действий. Возникает нерациональный дисбаланс в соотношении эффективности к стоимости. Можно также отметить и высокую стоимость содержания военнослужащего на примере вооруженных сил США, получившего боевое ранение. Жизнь американского военнослужащего страхуется на сумму, которая может достигать до 250 000 долл. В случае гибели выплата представляет собой трехгодичное жалование. Жалование сержанта составляет 32 000 долл. в год [10. С. 37-45]. Кроме того, социальный пакет военнослужащего армии США составляет 140 различных пунктов из которых оплачивается каждый [9. С. 151-167].

Технологически развитый актер в результате санкционированной им военной агрессии может получить симметричный и неприемлемый для него урон от такого же развитого в плане технологий и вооружений противника, обладающего оружием массового поражения и современными средствами его доставки. В то же время, использование ультрасовременных вооружений в ассиметричном конфликте против менее развитого противника, является весьма сомнительной перспективой с точки зрения экономических издержек, что вызывает сомнения в целесообразности таких методов. Если вынести за скобки различные заинтересованные в разработке новых типов вооружений лобби, то мы обнаружим, что риск симметричного ответа и сомнительная в экономическом плане составляющая являются весомыми ограничителями к проведению классической военной интервенции.

Таким образом, после окончания Второй мировой войны сложилась ситуация, которая ставила адептов классической полномасштабной вооруженной интервенции в патовое положение. Возведение человеком разрушительного потенциала кинетического вооружения, вооруженный конфликт с использованием которого стал бы планетарным самоубийством, колоссальные экономические затраты связанные с использованием современных типов вооружений, а кроме того и развитие международного гуманитарного права и активное развитие информационно-коммуникационных технологий стимулируют государства разрабатывать и активно использовать в качестве основного инструмента достижения своих целей различные средства неклассической войны. Все вышеперечисленные сдерживающие факторы не устранили внешнеполитических амбиций ряда международных акторов. В военной теории образовалась специфическая амбивалентность по отношению к войне, как средству политики. Возникла необходимость достигать целей «по Клаузевицу», но при этом без использования методов Клаузевица, т.е. достигать таких результатов, которые были бы сопоставимы с результатами от прямой военной интервенции, но без использования вооруженных сил и прямой военной агрессии. Так, наряду с классическими пространствами ведения боевых действий – сушей, морем, воздухом и космосом – возникли новые, а именно киберпространство и само человеческое сознание.

Разумеется, что для акторов международных отношений не является чем-то принципиально новым попытка влияния на ход человеческих мыслей и общественное сознание в целом с целью достижения тех или иных целей. Пропаганда всегда была неотъемлемой частью как внешней, так и внутренней политики государств. Не смотря на тот факт, что, например информационная война, как концепция возникла сравнительно недавно (первое упоминание термина «информационная война» датируется 1976 годом) [15], различные методы манипулирования человеческими мыслями вобрала в себя обширную практику информационно-психологического противостояния войн прошлого и прошли длинный эволюционный путь, что к сегодняшнему дню позволило сформировать на их основе самостоятельные инструменты внешней политики.

Контуры отмирания классических стратегий ведения войны стали проявляться еще в 90-х гг. с возникновением понятия «гибридной войны», а ключевым приоритетом стало совмещение боевых действий с экономическими и информационными методами воздействия [19. С. 85-98]. Беспрепятственный обмен информацией на поле боя и контроль над информацией во внешней среде стали еще одним важным приоритетом войн нового типа. В качестве последней войны «по законам Клаузевица» эксперты выделяют первую войну в Ираке [30]. Войны в Афганистане (2001-2021) и Ираке (2003-2011) стали своего рода поворотными точками, когда военные акции сопровождались масштабными информационными кампаниями, а стержневой эмоциональный лейтмотив заключался в справедливом возмездии за теракт 11 сентября 2001 г. и в противодействии сфабрикованной угрозе оружия массового поражения. Информационные операции,

нацеленные на управление восприятием международной общественности, стали центральной характеристикой этих войн [20. С. 92-107].

Превращение общественного мнения в специфическое оружие со своей теоретической базой, доктринальным обеспечением, стратегиями и тактиками, инструментами практической реализации информационно-психологических, когнитивных и киберопераций, а главное обособление информационно-психологического воздействия на противника от роли вспомогательно и второстепенного инструмента классической войны – это принципиально новое угрожающее явление, которое разительно отличается от классической пропаганды. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий сделало возможным масштабное манипулирование различными слоями населения и широкими массами людей при помощи целенаправленных, доступных и мультимодальных сообщений. Осознание существующих ограничений на ведение полномасштабной войны и беспрецедентных возможностей информационных технологий, открывающих новые пути достижения своих интересов, привело к оформлению сперва теоретической базы, а затем и практической реализации средств неинтервенциональной агрессии.

В заключение можно сказать, что изучение инструментов «неклассической войны» имеет важное значение для понимания современных международных отношений и вызовов, с которыми сталкиваются государства. Эти инструменты, хотя и не предполагают прямого применения военной силы, могут быть не менее эффективными и разрушительными, чем традиционные методы ведения войны. В условиях стремительного развития технологий и изменения геополитической обстановки, государства должны быть готовы к новым формам конфликтов и разрабатывать стратегии, которые позволят эффективно противостоять этим вызовам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Алаудинов А.А.** Современные подходы ведения гибридных войн США, Великобритании, Франции, Германии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 3.
2. **Алаудинов А.А., Манойло А.В.** Когнитивная и ментальная составляющие современной гибридной войны // Вопросы политологии. 2024. № 2.
3. **Алаудинов А.А.** Цели и задачи России в специальной военной операции на Украине и в гибридной войне с коллективным Западом // Вопросы политологии. 2024. № 5.
4. **Алаудинов А.А., Стригунов К.С., Гончаренко А.Р.** Структура и характеристика субъектов военного конфликта на Украине и его основные отличия от гибридных войн в Сирии и Ливии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 6.

5. **Апарин С.В., Суховерхова А.А., Григорян Д.К.** Цифровые войны: роль черного пиара // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 1.
6. **Араев С.И., Титов М.К.** Украинский неонацизм как инструмент политических элит стран Запада в борьбе с Россией // Вопросы политологии. 2024. № 5.
7. **Власов М.С.** Особенности информационного противостояния России и США в гибридной войне // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 3.
8. **Герасимов В.В.** Организация обороны Российской Федерации в условиях применения противником «традиционных» и «гибридных» методов ведения войны // Вестник Академии военных наук. 2016. № 2.
9. **Гостев А.Н.** Подготовка мобилизационных ресурсов для комплектования армии США: анализ традиций // Инноватика и экспертиза. 2018. Вып. 3 (24).
10. **Гостев А.Н.** Социальные аспекты комплектования вооруженных сил США // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 8.
11. **Дзахова Л.Х., Кадзова Н.** Трансформация угроз национальной безопасности в условиях усиления деструктивных сообществ в российском сегменте сети Интернет // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 1.
12. **Егорова М.Р.** Информационная война как угроза национальной безопасности страны в современном мире на примере конфликтов XXI века // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. № 7.
13. **Иващенко З.С., Васильченко О.В., Григорян Д.К., Малявина А.Б.** Фейковые новости о ходе проведения Специальной военной операции как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 9.
14. **Клаузевиц К. фон.** О войне. Важнейшие принципы войны / Карл фон Клаузевиц; пер. с нем. А. Рачинского. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023.
15. **Курилкин А.В.** Информационные операции и кибервойна: от истории к современности. М.: Горячая линия – Телеком, 2022.
16. **Лиддел Гарт Б.Х.** Стратегия непрямых действий. М.: АСТ, 2018.
17. **Манойло А.В., Стригунов К.С.** Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. М.: Горячая линия – Телеком, 2020.
18. **Медведев Н.П.** Международные конфликты и многополярность мирового порядка // Вопросы политологии. 2024. № 8.
19. **Медушевский А.Н.** Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 1 // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 2. 2023.
20. **Медушевский А.Н.** Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 2 // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3.

21. **Мигуляева М.Г.** Контент как оружие социального инжиниринга // http://xn--80aabndqn2azegmf.xn--plai/wp-content/uploads/2017/06/Kontent_kak_oruzhie_sotsialnogo_inzhiniring.pdf.
22. **Паршин С.** Взгляды научного комитета Министерства обороны США на классификацию угроз в киберпространстве // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 5.
23. **Пономарева Е.Г.** Фальсификация истории Великой Отечественной войны – технология трансформации сознания // Обозреватель – Observer. 2016. № 5.
24. **Скворцов Я.Л., Казарян Г.И., Курилкина Е.А.** Гибридная война: информационные стратегии НАТО и вызовы для России // Вопросы политологии. 2024. № 8.
25. **Слизовский Д.Е., Медведев Н.П.** Информационные, гибридные и прокси-войны: обзор новейших исследований // Вопросы политологии. 2024. № 12.
26. **Тушков А.А., Тихонов М.Л., Романюк А.А., Немчанинов А.С.** Современная военно-технологическая сфера и искусственный интеллект: роль место России в мировой конкуренции // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. № 7.
27. **Уртаева Э.Б.** Геополитические аспекты информационных войн и их влияние на политические процессы // Вопросы политологии. 2024. № 3.
28. **Шавлохов А.К., Максименко Д.И.** Актуальные вопросы обеспечения информационной безопасности населения в условиях военных конфликтов: правовые аспекты // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2023. № 3.
29. **Шейдина И.Л.** Невоенные факторы силы во внешней политике США. Издательство «Наука», 1984.
30. **Pastor A.** Cognitive Warfare. Manuscript in development. 6.02.2023 // <file:///D:/%D0%97%D0%B0%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%B7%D0%BA%D0%B8/CognitiveWarfare2022.pdf>.

R.V. PENKOVITSEV

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of International Relations, World Politics and Diplomacy,
Institute of International Relations, Kazan Federal University
(Volga Region) University, Kazan, Russia

A.D. ERMILOV

Postgraduate student of the Department
of International Relations, World Politics and Diplomacy
at the Institute of International Relations, Kazan Federal
University (Volga Region) University, Kazan, Russia
ORCID: 0009-0000-0659-7715

«NON-CLASSICAL WARS» IN THE ERA OF GEOPOLITICAL COMPETITION: NEW CHALLENGES AND THREATS TO INTERNATIONAL SECURITY IN THE 21ST CENTURY

The article examines modern challenges and threats to global and national security in the context of geopolitical competition through the prism of the emergence of the phenomenon of «non-classical warfare». The author analyzes the evolution of military strategies, noting that traditional armed forces equipped with kinetic and nuclear weapons play rather a deterrent role in the modern world. Instead, non-military factors of power, such as economic, political, and informational-psychological instruments of influence, are becoming increasingly important. Special attention is paid to the concept of «non-classical» warfare, which allows achieving strategic goals without the direct use of military force. The author emphasizes that such methods as information-psychological and cognitive warfare are becoming key tools in modern geopolitics. The article also analyzes the economic and technological constraints that make classical military intervention less attractive. It is noted that the development of information and communication technologies opens up new opportunities for non-interventional aggression, which requires a revision of traditional approaches to ensuring security.

Key words: non-classical wars, information and psychological warfare, hybrid warfare, non-interventional aggression.